

О.В. Новоселова

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МЕНАСИВНЫХ ТОПОНОМ В СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРАКЦИИ

FUNCTIONAL AND SEMANTIC INTERPRETATION OF MENASIVE TOPONOMS IN SOCIAL INTERACTION

Ключевые слова: интерактивное пространство, интерактивная система координат, коммуникативный конструкт, топонома, корпоральность, корпоральность.

Keywords: interactive space, interactive coordinate system, communicative construct, toponomy, corporal space, corporeal space.

В статье рассматривается менасивное пространство корпорального дискурса, создаваемого практиками-угрозами, которые содержат возможное менасивное воздействие на топоному элементов корпоральности партнеров по общению и, следовательно, являются включенными в систему физических и социо-психо-эмоциональных аффицированных координат. Практика-угроза представляет собой одну из возможных диспозиций Я-адресата и Я-адресанта, в то время как коммуникативный конструкт угрозы – это набор возможных диспозиций эмоциональных состояний коммуникантов в менасивном пространстве корпорального дискурсе.

The paper focuses on menasive space of corporeal discourse generated by threat-practices. Threat-practices have possible effect on interlocutor's toponomy within corporeal and socio-psycho-emotional coordinate systems. The communicative construct of threat contains a chain of threat-utterances and making this kind of construct can be successful if its continuum contains I-speaker and I-hearer's possible dispositions of emotional states. Threat-practice is one of the possible I-speaker and I-hearer's dispositions while the communicative construct of threat is a set of their possible dispositions of emotional states in menasive space of corporeal discourse.

Каждый человек есть как бы центр воображаемой окружности. Он мыслит или от себя, или по отношению к себе. Он сам – отправная точка всех своих проявлений и конечная точка всех своих восприятий. Или от центра окружности, или от окружности к центру, - другого направления нет ни в физической, ни в душевной, ни в умственной деятельности человека (Волконский, 1913)

В настоящее время в рамках антропологической / антропоцентрической лингвистики придается большое значение когнитивным исследованиям (Герасимов, Петров, 1988; Касевич, 1990; Фрумкина, 1983), в которых рассмат-

ривается связь слова с реальной действительностью и связь его с индивидуальным сознанием (Сорокин, 2004: 159). В этом плане проявляется значительный интерес к проблемам телесного бытия человека как на уровне обыденного сознания, массовых форм социокультурной практики, так и в гуманитарном познании (Джерджен, 2003; Матурана, Варела, 2001; Подорога, 1995; Романов, 2004; Тхостов, 2002). Не смотря на то, что идеи культурно-исторического развития телесности человека, категории «телесности», тела человека интересуют исследователей с позиций разных философско-культурных традиций и парадигм - антропологии тела, социологии тела, герменевтики тела (психоанализ), риторики тела, феноменологии тела, онтологии тела и психологии телесности - практически неизученными остались вопросы, связанные с определением места тела вообще и телесного бытия человека в мире, вопросы «локализации» Я индивида в теле, его вербальной, знаковой опредмеченности в мире, а также вопросы коммуникативно-прагматической специфики «игры» (поведения) телесности в актах социальной интеракции (Романов, 2008: 129). Очевидно, что такое положение дел обусловлено неадекватностью уровня развития философско-антропологического, когнитивного знания реальному месту и роли тела и телесности в целом в жизнедеятельности человека и новым обстоятельствами общественного развития (Романов, 2008: 20).

В современных условиях роста интереса к различного рода проявлениям поведения человека и интерпретации (семантического описания) явлений «языка тела» получил достаточно интенсивное развитие дискурсивный анализ корпоральности, который рассматривается как комплексная производная *социальной психологии и теории коммуникации* и раскрывает, по мнению представителей социально-коммуникативного конструктивизма (Конструктивизм..., 2008), способ, с помощью которого создается описание мира, событий, внутренней психической жизни человека. *Корпоральный дискурс* является психологическим феноменом, который обладает общественной и коллективной реальностью. В этом плане знаки телесного / корпорального бытия (топономы), организуясь в дискурсы, начинают обладать собственным влиянием на способ переживания людьми, на способ представления (конструирования) мира и взаимодействия с ним (Романов, 2008: 114).

Для анализа аспектов коммуникативной интеракции значительный интерес представляет знаковая (семиотичная) сущность телесности (телесного бытия), так как практически всегда человек сталкивается в своей жизнедеятельности с существованием телесности (тела, габитуса, телесной формы в целостном понимании): либо в виде ощущений («слабость», «усталость», «напряженность», «возбуждение», «сила»), либо в виде фиксации координат (топоном) местонахождения с помощью вербальных или невербальных средств в пространстве (слева, справа, вверху, внизу, с фронта, с тыла, в центр-Я) (Романов, 2004: 147). Другими словами, система таких определенных (конфигурационных) признаков или топонимических координат представляет собой, если можно так выразиться, систему интерактивных координат, которые проникают («внедряются») в ментальное пространство («мен-

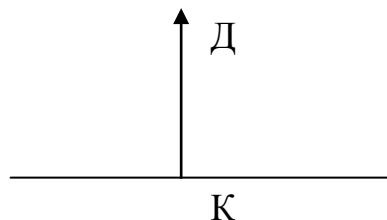
тальное вместилище» или подсознание) человека в определенной последовательности или очередности (Романов, 2008). Таким образом, речь пространственно координирована. Это означает, что и мышление (внутренняя речь), и диалог (внешняя речь) существуют как бы в «подсознательном поле зрения». Другими словами, речь пространственно координирована и подобное координирование осуществляется, как известно, в двух неразделимых пространствах: физическом и психологическом. *Физическое пространство* – это пространство реального бытия, частью которого является сам человек и в пространстве которого он себя реализует. *Психологическое пространство* – это пространство реализации человеком своей сферы деятельности в тех или иных ее разновидностях и проявлениях (Романов, 2004: 15; Романов, 2008: 88).

Малоисследованными в этом плане являются семиотическое пространство телесности человека и система интерактивных координат, создаваемые дискурсивными практиками различной иллокутивной направленности. Так, например, практически неизученным оказалось интерактивное пространство дискурсивных практик со значением угрозы, содержащих возможное менасивное воздействие на телесность / корпоральность партнеров по общению и, следовательно, являющихся включенными в систему физических и психо-психо-эмоциональных аффицированных координат (Романов, Новоселова, 2012; 2012а; 2013; 2013а; Новоселова, 2013). Кроме того, представляется актуальным исследовать комплексное семиотическое менасивное пространство корпорального дискурса, построив на основе анализа языкового материала иерархическую координатную систему, актуальную для ситуации интерактивного взаимодействия по типовому фрейму взаимодействия «угроза».

Как правило, автор угрозы для успешной каузации адресата совершить какие-либо действия декларирует (называет) возможное менасивное воздействие на тело или, скорее всего, на часть тела Я-собеседника. При этом, воздействия на координаты физического пространства телесности порождают изменения психологического пространства (*социо-психо-эмоциональных координат*) или корпоральности, так как, воспринимая различные практики повседневной интеракции, собеседники «проецируют» свой индивидуальный опыт на их информационно-коммуникационные свойства, так как человек является «отправной точкой всех своих проявлений и конечной точкой всех своих восприятий» (Волконский, 1913) и «переживает реальность мира через собственное тело» (Лозуэн, 1999).

Для измерения и отображения *топономы*, т.е. коммуникативно-интерактивнозначимого местоположения Я участника диалогического обмена, адресат угрозы переносит указанное возможное воздействие в свою систему *интерактивных социо-психо-эмоциональных аффицированных координат* и оценивает их воздействие на эмоциональное состояние Я в соответствии с приведенной ниже системой координат, где горизонтальная линия использована как плоскость горизонта в системе физических координат и как ноль, исходное положение, обозначающее начальные социо-психо-эмоциональные координаты собеседников (т.е. существующие до практик-

угроз), точками **К** и **Д** обозначены комфортное и дискомфортное эмоциональное состояние соответственно, стрелка \rightarrow указывает направление изменения коммуникативного пространства собеседников в процессе социального взаимодействия от полюса комфортного эмоционального состояния к дискомфортному:

Подобное структурирование физического (топономического) и психологического пространства дискурсивных практик со значением угрозы при помощи системы координат базируется на системе шкал и оценок, передающих эмоциональные переживания собеседников, или эмоционально-оценочных *конструктов*. Так как любое психологическое пространство имеет свое ограничение (границы) или рамки локально-пространственных отношений (Романов, 2006: 333), то психологическое менасивное пространство, как показывает схема, ограничено структурными рамками или координатами точек *комфорта* и *дискомфорта*. При этом следует сделать допущение, что согласно одному из базовых постулатов представителей социально-коммуникативного конструктивизма дискурсы любого порядка не просто описывают и представляют окружающее социальное пространство, «они создают его карту», причем карту *субъективную*, которая акцентирует внимание на одних факторах и искусственно принижает значение других (Романов, 2008).

Особая устойчивость эмоциональных признаков позволяет говорить об особом роде «эмоциональных универсалиях», когда пережитые эмоции, подобно пережитым манипуляциям с объектом, «создают системы шкал и оценок, определяющих отношение к объекту и создающих особую форму субъективности, своеобразную эмоциональную «чувственную ткань» (Романов, 2006: 340). Так, например, при рассмотрении дискурсивных практик со значением угрозы, связанных с физическим воздействием на тело *Я*-собеседника, отсутствие каких-либо внешних физических воздействий на его тело или ограничений пространства телесности определяет нахождение коммуниканта в нулевой точке отчета деятельности когнитивного агента, точке **К** – комфортного эмоционального состояния.

Включенный в социо-культурное пространство, «человек телесный» оказывается под воздействием множества социальных факторов, объективно воздействующих на его тело, на всю его природно-данную основу или базовую форму телесности, делает выбор своего «телесного поведения», осознает значение и характер разнообразных социальных влияний на его тело (Романов, 2008: 12). Так, анализ эмпирического материала также позволил установить, что наиболее часто менасивное воздействие на телесность *Я*-

собеседника связано с намерением автора угрозы нанести ему физический вред на топоному телесности **ГОЛОВА** (башка), охватывающей около 18 % от общего массива рассмотренных примеров. Например: *Вот я тебя тресну по башке, тогда будет вкусно!..* (Гайдар, 1986а: 21); *По две головы, что ли, у вас?..* (Толстой, 1991: 143); *Если еще раз увижу тебя на работе в этих клоподавах, голову оторву!* (Астафьев, 1988: 83); *Я снесу с плеч твою глупую башку!* (Шишков, 1984: 157-158); *Я вот тебе сейчас ведро с помоями на голову выплесну!* (Гайдар, 1986в: 236).

Кроме того, указанная топонома корпоральности **ГОЛОВА** (башка), как показывает материал исследования, может состоять из 10 элементов-топоном, что в общей совокупности составляет 61 % от общего количества рассмотренных примеров. Подобная частотность указывает на то, что для условий реальной коммуникации характерно частое воздействие на топоному **ГОЛОВА** в виде менасивных практик, так как она является «наиболее уязвимой».

Так, к указанной топономе **ГОЛОВА** относятся такие топономы, как **ЛИЦО** (морда, рожа, харя, маска, рыло), например: *Кину в морду блюдцем...* (Толстой, 1991: 333); *В рожу хошь?* (Астафьев, 1988: 65-66); *А хлыстом по харе хочешь?* (Шишков, 1986: 53-54); *Ну, так и молчи, пока я тебя по маске не съездил!* (Шишков, 1986: 220-221); *Рыло разобью!* (Шишков, www.2lib.ru); **ЛОБ** (темя, промеж глаз), например: *А то всем в лоб пуля* (Шишков, 1986: 119); *Стукну в темя, башка в брюхо влезет* (Шишков, 1986: 478-480); **ГЛАЗА** (моргала), например: *Моргала выколю!* (Некшин, 2006: 44-45); *Глаз выну, падла* (Некшин, 2006: 94-96); **УШИ**, например: *Я ему сейчас спою в ухо* (Семенов, 1989: 222); *Митька, я тебе, мизерабль несчастный, до колен уши оттяну, я тебя завтра же продам на рынке, как курицу, а замест тебя аранчонка куплю* (Шишков, 1984: 36-38); **НОС** (сопатка), например: *Не лезь, косоглазый, а то нос расшибу!* (Шолохов, 1978: 41); **РОТ** (хохотальник), например: *Хохотальник порву!..* (Астафьев, 1988: 207); *Пикнешь, крысу в рот запихаю* (Семенов, 1989: 112-116); **ЗУБЫ**, например: *Я тебе за это ползвода зубов вышибу!* (Астафьев, 1988: 26); *Я и отцу твоему засажу из ружья...* (Астафьев, 1988: 26); **ВОЛОСЫ** (коса, борода), например: *Дождетесь, косы-то девкины овечьими ножницами обстрижем...* (Шишков, 1984: 524); *Да я те, за такие твои речи, из живого полбороды выдеру!* (Шишков, www.2lib.ru).

Кроме того, в интерактивном взаимодействии по типовому фрейму угроза широко представлены такие маркеры корпоральности как **ШЕЯ** (горло, горлышко, глотка, дыхало, холка), например: *Как бы твоей толстой шее в петлю не угодить* (Шишков, 1984: 372-373); *Я тебе сейчас горлышко прижму, сразу все узнаешь* (Семенов, 1989: 155-156); *Я любому, кто на пути встанет, глотку зубами вырву...* (Пикуль, www.virlib.ru); *Вот я тебе пихну под дыхало!..* (Шолохов, 1978: 109); *Пошел вон, а то холку намылю* (Некшин, 2006: 228); **ГРУДЬ**, например: *Ну, ну, ну!– захрипел на неё Захар, замахиваясь локтем в грудь* (Гончаров, www.az.lib.ru); **РУКИ**, например: *Отрежу руку!* (Булгаков, www.modernlib.ru); **ЖИВОТ** (брюхо, потроха), напри-

мер: **Брюхо** *вспорем!* (Шишков, 1986: 50); *Обожди... Всем **брюхо** вспорем!..* (Шишков, 1986: 33-34); **СПИНА**, например: *Пулю в **спину!*** (Шишков, 1984: 49); *Вот ужко господам вашим нажалуемся, они вам **спины-то** вздерут!..* (Шишков, 1984: 459-460); **ЗАДНИЦА**, например: *А-а, голова-а... а, не хочешь... **задницу** будем лечить* (Серафимович, 1970: 528); **НОГИ**, например: (Шишков, 1986: 405); *Ежели кто украдет — того на раду, на суд, камень к **ногам** да в воду...* (Шишков, 1984: 4).

Зафиксированные на материале исследования способы воздействия на телесность Я-адресата или система телесных топоном, актуальных для ситуации интерактивного взаимодействия по типовому фрейму «угроза», могут быть иерархически расположены в системе *физических* координат следующим образом:

Корпоральность Я-адресата угрозы

{	1) ГОЛОВА (башка):	}
	- лицо (морда, рожа, харя, маска, рыло):	
	- макушка	
	- лоб (темя, промеж глаз)	
	- глаза (моргала)	
	- уши	
	- нос (сопатка)	
- рот (хохотальник), язык, зубы		
- волосы (коса, борода)		
2) ШЕЯ (горло, горлышко, глотка, дыхало, холка)		
3) ПЛЕЧИ		
4) ГРУДЬ		
5) РУКИ		
6) ЖИВОТ (брюхо, потроха), СПИНА		
7) ЗАДНИЦА		
8) НОГИ (пятки)		

Указанная система физических координат Я-адресата отображает топономы телесности (зафиксированные в рассмотренных практиках-угрозах) в иерархическом порядке, т.е. соответствующем естественному строению тела человека. А именно расположение сверху вниз: ГОЛОВА - ШЕЯ - ПЛЕЧИ - ГРУДЬ - РУКИ - ЖИВОТ - ЗАДНИЦА - НОГИ.

Как видно из примеров, названия топоном телесности в языке могут быть маркированы различными лексическими средствами, как правило, именами существительными. Причем, наблюдаются языковая вариативность в их наименовании, ср., топонома **ЛИЦО** представлена пятью вариантами: *морда, рожа, харя, маска, рыло*. Использование во многих примерах просторечно-разговорной лексики, обозначающей части тела, говорит о том, что автор угрозы находится в аффицированном психологическом состоянии.

Кроме того, желая усилить психо-эмоциональное воздействие, адресант

угрозы использует в некоторых случаях дискурсивные практики-угрозы с гиперболизированным менаживным действием, например: *Поддай мой кошелек, поддай не медля, а нет — я тебе **шкуру** с плеч до **пяток** спущу!* (Шишков, www.2lib.ru); *А то **ноги** из **спины** повыдернем...* (Шишков, 1986: 405). Усиление воздействующего потенциала угрозы также создается благодаря сочетанию в одной дискурсивной менаживной практике воздействий на несколько топоном с направлением воздействия снизу-вверх, например: ***Пасть** разорву и **зенки** повыкалываю!* (Свиридов, 1984: 213), ... *буду вас казнить, буду вешать за **ноги** и за **ребра**, дома ваши, хлеб и сено подожгу, а скот истреблю* (Шишков, www.2lib.ru). Также сильное эмоциональное воздействие производят на собеседника практики-угрозы, являющиеся не только причиной появления аффицированного состояния Я-адресата угрозы, но и связанные с возможным прекращением существования телесности Я-адресата угрозы. Например: *Попался бы ты ко мне, я с тебя совсем **шкуру** спустил бы!* (Гайдар, 1986в: 115-116); *А я разрублю тебя **пополам**, как полено!* (Шишков, 1984: 157-158); *А завтра на базарной площади палач с тебя, конокрад, **три шкуры** спустит...* (Шишков, 1984: 378-379).

Интересными примерами дискурсивных пространств, в которых отражается координатная расположенность телесного пространства, являются практики-угрозы, содержащие указание на топоному **ГОЛОВА**, которые могут быть связаны как с прекращением существования телесности, например, *Дозвольте, царь-государь, я этому старому петуху, растак его, **голову** топором оттяпаю...* (Шишков, www.2lib.ru), так и с «аффицированием», которое не связано в обязательном порядке только с эмоциями и не сводится только к сфере аффекта, а трактуется как «возбуждение соразмерное сознанию, специфическое притяжение, которое сознаваемый предмет оказывает на Я» (Козырева, 2012), например: *Жаль гармонь ломать, а то я те по **маковке-то** хлопбынул бы! ...* (Шишков, 1986: 405); *Он те **бороду-то** рыжую убавит ...* (Шишков, www.2lib.ru).

Указанные примеры свидетельствуют о том, что практики-угрозы, содержащие указание на одну и ту же топоному **ГОЛОВА**, способны оказывать различное аффицированное воздействие на эмоциональное состояние Я-адресата. Следовательно, представленное выше физическое расположение (измерение) топоном телесности (корпоральности) не отображает *социопсихо-эмоциональные аффицированные координаты* адресата угрозы, поэтому с учетом эмоционального воздействия практик-угрозы (усиление аффицированности снизу вверх) необходимо модифицировать указанную выше систему координат, актуальную для ситуации интерактивного взаимодействия по типовому фрейму «угроза», следующим образом:

Корпореальность Я-адресата угрозы

↑ Дискомфорт

- 1) ВСЕ ТЕЛО (шкура), КРОВЬ
- 2) ЖИВОТ (брюхо, потроха), СПИНА
- 3) ГОЛОВА (башка)
- 4) ШЕЯ (горло, горлышко, глотка, дыхало, холка)
- 5) РУКИ
- 6) НОГИ
- 7) ГОЛОВА (башка): - глаза (моргала)
- 8) ГОЛОВА (башка): - рот (хохотальник), язык, зубы
- 9) ГОЛОВА (башка): - уши
- 10) ГОЛОВА (башка): - нос (сопатка)
- 11) ГОЛОВА (башка): - волосы (коса, борода)
- 12) ГОЛОВА (башка): - лицо (морда, рожа, харя, маска, рыло)
- 13) ГОЛОВА (башка): - лоб (темя, промеж глаз)
- 14) ГРУДЬ
- 15) ЗАДНИЦА
- 16) ГОЛОВА (башка): - макушка

Комфорт

В указанной интерактивной координатной системе топонимы расположены в иерархическом порядке с усилением степени психопрагматического воздействия на адресата снизу вверх, т.е. от комфорта к дискомфорту. Так, например, в схеме корпореальности Я-адресата угрозы элементы топонимы **ГОЛОВА** расположены на 3, 7, 8, 9 и др. позициях, в то время как указанная топонима занимает позицию 1 в схеме корпоральности Я-адресата. Подобное расположение свидетельствует о том, что прагматическое воздействие дискурсивных менасивных практик, затрагивающих одну и ту же топониму, различно и зависит восприятия их адресатом (их семиопсихологической интерпретации). Например, декларирование говорящим своему собеседнику «ударить по макушке» не вводит последнего в дискомфортное состояние, в то время как угроза «башку оторвать» является причиной некомфортного состояния адресата (см. схему выше).

Сравнение двух схем показывает, что расположение топонимом как *сигнально-знаковых элементов корпоральности и корпореальности* различно в системе физических координат (координат тела) Я-партнеров по общению и в системе их *социо-психо-эмоциональных аффицированных координат*. Это обусловлено тем, что целенаправленное использование дискурсивных практик со значением угрозы, содержащих указание на возможное менасивное воздействие на топониму элементов телесности (на тело или части тела) партнеров по общению, способно и пригодно изменять *социо-психо-эмоциональное* пространство в рамках континуума содержания коммуникативного конструкта, передающего эмоциональные или эмоционально-

оценочные переживания собеседников.

Очевидно, что воздействие на телесность Я-собеседников в психологическом пространстве маркируется определенными дискурсивными маркерами, так как автор угрозы для получения ответного (каузируемого) действия задействует те топонимы Я-собеседника, которые представляют собой *значимое местоположение в «воображаемой окружности»*, интерактивном менасивном пространстве корпоральности. Так, наибольшее эмоциональное воздействие производят на собеседника те практики-угрозы, которые являются не только причиной появления аффицированного состояния Я-адресата угрозы, но и связаны с возможным прекращением существования телесности Я-адресата угрозы.

Таким образом, предпринята попытка отразить целостное менасивное пространство телесности человека на континууме содержания конструкта угрозы и дать семиопсихологическую интерпретацию менасивных топонимом: выявить систему коммуникативно-интерактивнозначимых топонимом телесности (корпоральности) и корпоральности, актуальных для ситуации интерактивного взаимодействия по типовому фрейму угроза, описать общую закономерность взаимосвязей топонимом (их континуум) и проанализировать процесс их восприятия Я-адресатом. Тем не менее вопрос о том, как отражается в нашем сознании целостное пространство телесности человека (соматикон) и какую знаковую роль оно играет в различных других сферах коллективной деятельности участников вербальной и невербальной коммуникации представляет особую актуальность, несмотря на современный уровень знаний о теле и психологии человека, так как сама сущность телесности (корпоральности) до сих пор прояснена не в полной мере и полная картина описания параметров телесности в настоящее время является актуальной проблемой, требующей комплексного и полного описания.

Литература

1. Волконский С.М. Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсартру). – СПб., 1913. - 118 с.
2. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // НЗЛ, вып. XXXIII. – М., 1988.
3. Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. – Минск, 2003.
4. Касевич В.Б. Язык и знания // Язык и структуры знания. – М., 1990.
5. Козырева А.С. Интенсивность аффективной силы между воспоминанием и повторением в феноменологии Э. Гуссерля // Вопросы философии. 2012. - № 6. – С. 131 – 138.
6. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2008, №3. – С. 3-37.
7. Лозуэн А. Предательство тела. - Екатеринбург, 1999. – 257 с.
8. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания. – М., 2001.
9. Новоселова О.В. Коммуникативно-конструктивное пространство регу-

лятивных менасивных действий [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИП-ЛиМК, 2013. - № 3 (32)

10.Подорога В.А. Феноменология тела. Введение в антропологию. – М., 1995.

11.Романов А.А. Вербо- и психосоматика телесного бытия человека // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела. М.: Институт языкознания РАН, 2008. – С. 1-144.

12.Романов А.А. Лингвистическая мозаика: Избранное. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, 2006. – 436 с.

13.Романов А.А. Психосемиотика визуальной коммуникации в соматографическом пространстве // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной коммуникации. – М., 2004. - С. 1-158.

14.Романов А.А., Новосёлова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции. – Москва-Тверь: ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2013. – 168 с.

15.Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурсивная топонимия практик-угроз [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2012. - № 3 (28). – ISSN 1999 - 8406; Гос. рег. № 0420800038. - Идентификационный номер 0421200038\0030. - Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

16.Романов А.А., Новосёлова О.В. Психосемантика конструкта угрозы в политической коммуникации // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия: Педагогика и психология, 2012а, №3. – С. 6-16.

17.Романов А.А., Новоселова О.В. Топонимия психологического пространства вербальных практик-угроз // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия: Педагогика и психология, 2013а, № 2. – С. 20-32.

18.Сорокин Ю.А. Соматикон как составляющая структуры семиотической личности: теоретические выкладки и их экспериментальная верификация // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной коммуникации. – М., 2004. С. 159-245.

19.Тхостов А.Ш. Психология телесности. – М., 2002. – 287 с.

20.Фрумкина Р.М. Психолингвистические методы изучения семантики // Психолингвистические проблемы семантики. – М., 1983.